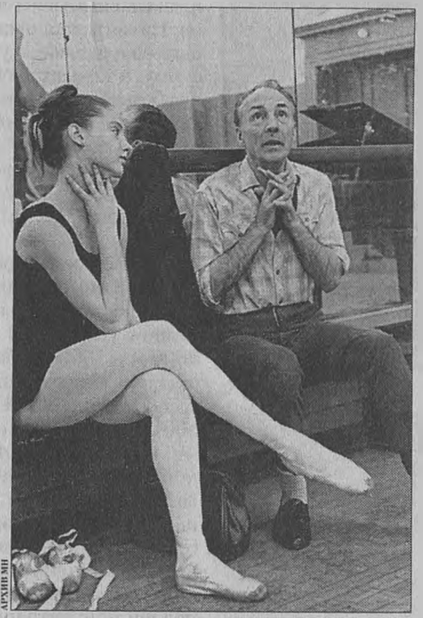
Музей в музее, или Баланчин в гостях у Петипа

Послесловие к гастролям «Нью-Йорк Сити Балле» на сцене Мариинского театра.

Впервые русская публика, и я вместе с нею, увидела балеты Баланчина в 1962 году. Тогда его театр приезжал в обе столицы с пятью программами, включавшими пятнадцать балетов Баланчина, в том числе ставшие уже к тому времени классическими, — от дягилевских еще «Аполлона Мусагета» и «Блудного сына» Прокофьева с декорациями Руо до «Симфонии до-мажор» («Хрустальный дворец»), нам уже знакомой по гастролям Парижской оперы. Танцевали длинноногие «баланчинские» балерины Мелисса Хайден, Аллегра Кент и Патриция Уайльд и не менее замечательные мужчины с изысканными именами — Жак д'Амбуаз, Николас Магальянес, Эдвард Вилелла и пришедший из «Русских балетов Монте-Карло» Франсиско Монсион. Показаны были на гастролях и две вещи Джерома Роббинса — «Игры» и «Фанфары». Спектакли эти, на всю жизнь запомнившиеся, перевернули наши представления о балете.

В следующий раз, с не менее захватывающими программами, Баланчин приехал в начале 70-х годов. Я был в то время на Кавказе и, чтобы посмотреть спектакли, отправился в Тбилиси, где после Москвы и Киева «Нью-Йорк Сити Балле» продолжал гастроли. На этот раз, помимо трех уже знакомых нам классических вещей, Баланчин показал много нового, в том числе «Квартет Брамса», «Третью сюиту» Чайковского, «Драгоценные камни», новый, более абстрактный вариант «Концерта для скрипки» Стравинского. За прошедшее десятилетие расцвело дарование Роббинса, показавшего недавно созданные «Танцы на вечеринке» на



АРХИВ МН

Баланчин на репетиции. 60-е годы

музыку Шопена и «Гольдберг-вариации» Баха, оба с участием солирующего пианиста, а также балет на музыку раннего «Фантастического скерцо» Стравинского. К числу звезд прибавились Патриция МакБрайд и Виолетта Верди, а из мужчин — замечательный танцовщик Хельги Томассон.

Особенно же интересно было побывать на репетициях Баланчина — «Мистера Би», как его называли танцовщики. Бытовали легенды, восходившие еще к его отцу, грузинскому, конечно, князю, например, как тот, обосновавшись в Петербурге, воспользовался удачным предложением, чтобы завести собственный выезд, и отправился кататься на Невский. Мимо проходил полковой оркестр, и кони, услышав военную музыку, начали танцевать — ему продали цирковых лошадок. Грузины принимали его с превеликой помпой, что не мешало КГБ вести за ним, как и за всеми артистами, унизительную слежку. Баланчин же, несмотря на то, что в Тбилиси жил его родной брат, композитор Баланчивадзе (напрасно мечтавший, что брат поставит балет на его музыку), от всего грузинского демонстративно открещивался, всячески демонстрируя, что он даже не русский, а американец. На роскошном заключительном банкете грузинский министр культуры, которого безуспешно «сваливал» замечательный композитор Канчели, произнес цветистый тост, всячески в нем настаивая на принадлежности Баланчина Грузии. Ответный тост Георгия Баланчина был кратчайшим : он встал, поднял бокал и со своим ужасным акцентом произнес всего одну английскую фразу: I drink to my American dancers — отцы города ее, надеюсь, не поняли. Когда я наутро увиделся с Георгием Мелитоновичем, он в своей медленной манере начал бесстрастно описывать банкет, как некоторое художественное событие: « Это был восточный пир! Они служили, как рабы!». А много лет спустя я встретил в Нью-Йорке Тамару Жевержееву (Джива), которая рассказала, как они вместе с Баланчиным и Александрой (Шурой) Даниловой бежали из послереволюционной России...

Читатель, должно быть, удивится, что заметка о только что закончившихся гастролях посвящена по большей части воспоминаниям сорокалетней и тридцатилетней давности. Объясняется это достаточно просто: о сегодняшней труппе «Нью-Йорк Сити Балле» сказать, собственно, почти нечего. Из привезенных балетов Баланчина и Роббинса, вошедших в мировой балетный репертуар и составляющих золотой фонд неоклассического стиля, почти все были показаны именно тридцать и сорок лет назад. Большая их часть уже вошла в репертуар и Мариинского театра, чьи артисты, преодолев неизбежные трудности, сопровождавшие первые постановки, сегодня с баланчинской хореографией справляются прекрасно (вспомним триумфальное исполнение «Драгоценностей» на мартовском фестивале этого года). С другой стороны, едва ли стоило снова привозить в Петербург «этнографическую» «Симфонию дальнего Запада» (в афишах потерялось слово «дальний») — этот балет, отражающий, пользуясь советским жаргоном, «американскую историческую тематику», Баланчин, который предпочел бы встать во главе Парижской оперы, поставил в 1954 году, чтобы доказать себе и попечителям, что он настоящий американец. Этот «ковбойский» балет, впрочем, не лишенный обаяния (например, хореограф ставит в позы лебедей девиц из мюзик-холла), вызвал восторг у буржуазной публики, на две трети заполнявшей Мариинский театр (заметим, что хотя самые дорогие билеты стоили 500 рублей, места были полностью распроданы лишь на последний из семи спектаклей). Единственный же показанный балет Питера Мартинса, после смерти Баланчина возглавившего театр, где он осуществил около шестидесяти постановок, хотя и напоминает балет на льду, призван убеждать, что труппа — не музей, а творческий коллектив. Увы, Баланчин обладал настолько яркой и сильной индивидуальностью, что подчинял себе всех хореографов, с ним работавших, до известной степени «баланчизировав» даже Роббинса — остальным доставались роли более или менее эпигонов.

ИНТЕРПРЕСС

«Вечер балетов Баланчина» в Мариинке

Что касается труппы в ее сегодняшнем состоянии, то артисты достаточно хорошо выучены для исполнения трудных баланчинских вещей, но никого подобного старым звездам «Нью-Йорк Сити Балле» — тем самым высоким длинноногим «баланчинским балеринам» и элегантным танцовщикам с печальными лицами — мы в ней не найдем: это труппа без звезд (в теории что-то подобное провозглашал еще Баланчин — результаты сказались после его ухода). Что же касается «лиц и их выражений», то неоклассика все же требует танцовщиц не только с лучшей постановкой рук, но и с более выраженной балетной внешностью, увы, уступившей место простецким лицам, подходящим разве что для «Симфонии дальнего Запада».

Подводя итоги, можно сказать, что столь редкие гастроли Нью-Йоркского балета — событие весьма отрадное; что за шесть дней публике было показано созвездие блистательных балетов; что выступление на сцене Мариинского театра труппы, составляющей славу балетного искусства двадцатого века, — alma mater самого Баланчина, было бы более трогательно, если бы произошло при его жизни; что балеты Роббинса сегодняшняя труппа исполняет лучше, чем баланчинские, и что вопреки политике Баланчина мужской состав труппы сильнее, чем женский; что за пультом в первый вечер стоял Валерий Гергиев, а после спектакля была устроена garden party; наконец, что гастролями завершился редкостный по богатству фестиваль искусств «Звезды белых ночей». Надеемся, читатель понял нас правильно: называя гастроли Нью-Йоркского балета визитом, отданным баланчинским музеем музею Петипа, мы произносим эти слова отнюдь не пренебрежительно, а с уважением и благодарностью обоим театрам.

МИХАИЛ МЕЙЛАХ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Время МН. - 2003 - 9 авг. - с. 7.